От редактора рубрики[1]

Развивающиеся ныне в Центральной Азии геополитические тренды заставили многих экспертов говорить и писать о новой "Большой игре" в этом регионе. Во-первых, предпосылки для нового витка "Большой игры" великих держав и превращения Центральной Азии в арену геополитического противоборства между США/ЕС и Россией создала нарастающая с 2022 г. конфронтация между Западом и Россией. Во-вторых, стремительно ширящееся присутствие Китая в регионе и высокий динамизм в продвижении там китайской модели инфраструктурного развития и связанности посредством реализации инициативы "Пояс и путь", вызвали неприятие и глубокую озабоченность со стороны ЕС и США, заставив их провести переоценку ценности Центральной Азии в иерархии внешнеполитических приоритетов и инициировать меры по противодействию распространению китайского влияния в регионе. В последние годы достаточно отчетливо стало прослеживаться усиление роли геополитических факторов в процессе выработки и реализации внешней политики России, ЕС, США и Китая в отношении Центральной Азии. По существу, с 2022 г. начался новый раунд геополитической корректировки в Центральной Азии, заключающийся в стратегической конфронтации между США/ЕС и Россией, стратегической конкуренции между США/ЕС и Китаем, а также растущей активности средних держав в регионе.

В странах Центральной Азии возникшие после начала Россией СВО на Украине новые геополитические реалии были восприняты как расширяющие пространство для их дипломатического маневрирования, усиливающие их возможности по укреплению международного авторитета, развитию многовекторности внешней политики, привлечению новых источников финансирования для региональных инфраструктурных проектов и не только. Возросшая активность стран Центральной Азии в самостоятельном решении стоящих перед регионом вызовов и в развитии многовекторных и разнонаправленных внешних связей была интерпретирована властными и экспертными кругами ряда зарубежных государств как признак движения стран региона к "стратегической автономии", запрос на снижение их зависимости от России и Китая. В этой связи, в частности, заговорили о комплексном ослаблении позиций России в Центральной Азии, а также о том, что СВО на Украине неизбежно отвлечет внимание и ресурсы Москвы с этого региона, создав вакуум силы и "окно возможностей" для других внерегиональных акторов.

На текущий момент прогнозы относительно снижения внимания Москвы к Центральной Азии ввиду геополитических потрясений не только не оправдались, напротив, центральноазиатское направление приобрело для России еще большую значимость. Но региональная среда для реализации российских интересов стала, действительно, высоко конкурентной. Инерционный путь развития отношений со странами Центральной Азии, который был характерен для предшествующего периода взаимодействия Москвы с регионом, больше не возможен. Он неизбежно приведет к стремительной утрате Россией своих традиционно сильных позиций в регионе. Так, в статье А.С. Королева, открывающей тематическую рубрику, оцениваются масштабы и интенсивность влияния России на государства Центральной Азии в гуманитарной сфере и делаются алармистские выводы. Для характеристики российского гуманитарного присутствия в странах региона в статье предлагается авторская методология оценки по трем критериям: определение степени дружественности стран региона по отношению к России, оценка активности в регионе пророссийских институтов гражданского общества (НКО, НПО, культурных центров, пр.) и работы российских ВУЗов в странах региона. В статье делается вывод о дружественности населения региона по отношению к России в целом, но отмечается и то, что это скорее отражение сохраняющейся после распада Советского Союза инерции, нежели результат планомерной работы России в рамках реализации гуманитарной политики. Отмечаются высокие оценки качества российского образования со стороны населения региона, но

[1] Выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00249, https://rscf.ru/project/24-28-00249/

фиксируется и падение его неформального престижа. Качество работы пророссийских институтов гражданского общества в регионе оценены как неудовлетворительные. Как представляется редактору тематической рубрики, на фоне разворачивающейся в Центральной Азии "Большой игры" усиление гуманитарного вектора политики России в регионе приобретает особую значимость.

Достаточно серьезным игроком в новой "Большой игре" может стать ЕС. Во второй статье тематической рубрики Я.В. Лексютина реконструирует эволюцию подхода ЕС к Центральной Азии в контексте изменений глобальной стратегии и приоритетов развития этого объединения. На современном этапе нормативная повестка как традиционно превалировавшая во взаимодействия ЕС с регионом динамично расширяется и дополняется повесткой развития "эффективной и устойчивой связанности", повесткой "зеленой" и цифровой трансформации. Из нормативного актора Брюссель превращается в прагматичного и в то же время геополитически мотивированного игрока. Автор приходит к выводу о том, что главными движущими силами современной политики ЕС в Центральной Азии выступают фактор конфронтации с Россией и фактор связанных с Китаем опасений. Первый из них обуславливает интенсификацию политических контактов с правительствами стран региона, поиск новых источников углеводородов и транспортных коридоров в условиях отказа от сотрудничества с Россией. Второй – побуждает ЕС продвигать европейскую модель связанности в регионе как противовесу китайской и укреплять сотрудничество со странами региона в вопросах добычи и импорта критически важного сырья с целью снижения зависимости от китайских поставок.

Китайскому региональному присутствию, а точнее, выявлению "старых" и "новых" интересов Пекина в регионе, посвящена статья Е.В. Савковича и А.Г. Данкова. Авторы справедливо отмечают один из факторов наблюдающейся с 2022 г. резкой активизации Китая в регионе – расширение присутствия "внешних" для региона государств и в особенности США. В Пекине, действительно, широко распространены опасения относительного того, что России, сосредоточенной на проведении СВО и преодолении санкций, может не хватить сил и ресурсов на Центральную Азию, что создаст вакуум силы, который поспешат заполнить США и их союзники. Присутствуют в Китае и опасения в связи с тем, что Вашингтон может попытаться использовать Центральную Азию для сдерживания Китая[2].

Новаторский характер носит и статья Е.В. Хахалкиной о внешнеполитических приоритетах в Центральной Азии близкого союзника США – Великобритании. Тогда как о политике России, Китая, США и ЕС в Центральной Азии российскими специалистами подготовлено немало научных работ, современная политика Великобритании в этом регионе остается по большей части terra incognita. Анализируя внешнеполитические документы Великобритании, автор демонстрирует то, что изменение мирового геополитического ландшафта после начала СВО в феврале 2022 г. вынуждает британское руководство брать курс на укрепление своего присутствие в странах Центральной Азии. Британия поставила цель увеличить свое присутствие в регионе, одновременно ослабив позиции других игроков – России и Китая. Однако, как подчеркивает Е.В. Хахалкина, для действительно качественных изменений в расширении регионального влияния Великобритании требуется длительный период с системными усилиями, ресурсами и стратегией, основанной не на конъюнктуре сегодняшнего дня, а учитывающей глубинные процессы и потребности стран Центральной Азии.

Между тем, важно отметить, что особенность нынешнего раунда геополитической корректировки в Центральной Азии заключается не только в усилении геополитических факторов в формировании политики конкурирующих между собой великих держав в отношении этого региона, но и во всплеске региональной активности держав средней величины и даже стран, имеющих еще меньший вес в мировой политике. Возросшую активность в Центральной Азии проявляют, в особенности, Турция, Иран, Пакистан, Индия, государства

[2] Leksyutina Ya.V. Chinese Policy in Central Asia in the Estimation of Chinese Experts // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. No. 2 (85). P. 150–151. https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-2-141-154.

Персидского залива, Япония, Южная Корея. Характеризуя современные геополитические процессы в Центральной Азии уместно говорить не только о ведущейся там "Большой игре" великих держав за региональное влияние и присутствие, но и о "Малой игре" менее крупных держав и стран, также артикулировавших собственные интересы в регионе и стремящихся расширить свое участие в делах и развитии Центральной Азии.

Так, в статье С. Притчина раскрывается региональная стратегия Турции, сумевшей за предшествующие два десятилетия превратиться в крупного игрока в Центральной Азии. Автор называет Турцию одним из наиболее эффективных внешних акторов в сфере "мягкой силы" в регионе. Отсутствие сравнимых с конкурентами за региональное присутствие политических и экономических ресурсов Турция, по мнению С. Притчина, с успехом компенсирует гибким, проактивным подходом с опорой на культурную, ментальную, языковую общность с центральноазиатскими народами, а также авторитетом президента республики Р. Эрдогана. В условиях украинского кризиса и возрастания конфронтации между Россией и Западом привлекательность Турции для стран Центральной Азии как относительно нейтрального партнера в политической сфере, альтернативного направления для развития транспортной и энергетической инфраструктуры, по мнению автора статьи, многократно возрастает.

И, наконец, завершает тематическую рубрику статья, посвященная раскрытию совсем неизученного в российской научной литературе сюжета, – эволюции узбекистано-индонезийского сотрудничества как ключевого элемента в системе отношений между странами Центральной и Юго-Восточной Азии. К.Е. Мещеряков и Шауки Аринал Хакк предлагают авторскую периодизацию и дают историческую ретроспективу развития узбекистано-индонезийского сотрудничества с 1950-х гг. по наше время.

В завершении предисловия к тематической рубрике следует подчеркнуть, что замысел редактора состоял не в систематизации интересов, сильных и слабых сторон стратегий, реализуемых основными игроками новой "Большой игры" в Центральной Азии, не в комплексной характеристике разворачивающегося в регионе геополитического противоборства, а в точечном анализе, сфокусированном на отдельных, наименее изученных в российской экспертной литературе сюжетах, раскрывающих те или иные грани новой "Большой игры".

Я.В. Лексютина